

НА ПУТИ К ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

УДК 316.354

Ф.А. Барков

F.A. Barkov

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ, СОЛИДАРНОСТЬ И САМООРГАНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА¹

CIVIL ACTIVITY, SOLIDARITY AND SELF-ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN PATTERN OF CIVIL SOCIETY

В статье рассматривается самоорганизация населения как форма гражданской активности, влияющая на качество администрирования публичных услуг в пределах локальных сообществ. На основе анализа результатов эмпирических исследований автор концептуализирует возможности теории практик к изучению опыта и факторов самоорганизации, моделированию трансформации в институт контроля качества публичных услуг.

Ключевые слова: самоорганизация, социальные практики, публичные услуги, гражданское общество.

The article is devoted to practices of self-organization of people, who joined their efforts to solve some local problems. The self-organization is considered as a form of civil activity, influencing on the quality of public services administration in local communities. On base of empiric researches the authors conceptualize the potential of the Theory of Practices to analyze experience and factors of self-organization, to model transformation of self-organization into institutions of the control of quality of public services.

Key words: self-organization, social practices, public services, civil society.

Ф.А. Барков

Кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии, политологии и права ИППК ЮФУ (г. Ростов-на-Дону).
e.mail: barkovfedor@gmail.com

F.A. Barkov

Candidate of Sociology, Senior Lecturer of the faculty of sociology, political science and right of IRIPS of SFU (Rostov-on-Don).
e.mail: barkovfedor@gmail.com

© Барков Ф.А., 2012

© Barkov F.A., 2012

¹ Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МК-8357.2010.6 «Социальные практики самоорганизации граждан как институт контроля качества публичных услуг, предоставляемых муниципальными и государственными органами власти»).

Гражданские инициативы, гражданская активность в целом представляют собой особую разновидность социальной активности, социального действия. Гражданская активность, осуществляемая в различных формах – институционализированных или нет, выступает важнейшим компонентом гражданского общества как особой социальной общности. Отметим, что даже на этимологическом уровне прослеживается эта связь: оформление понятия «citizen» (гражданин) как производного от слова «city» (город) шло параллельно с дифференциацией от слова «denizen», обозначающего «обитатель города». «Citizen» по сравнению с «denizen» обозначало не просто обитателя, а члена городской общины, обладающего определенными способностями, умениями, а также правами, которыми наделил его город [1].

Еще Аристотель разграничивал такие понятия, как «титул гражданства», который можно было приобрести различными способами и которым можно было пользоваться в личных целях, оставаясь политически пассивным, и «практики гражданства», которые предполагают участие в обсуждении общих дел, в суде, при принятии решений о частных делах с позиций общего дела.

Однако смысловая и сущностная связь между понятиями «гражданин» и «гражданское общество» со временем была практически утеряна как в практическом плане, так и на теоретическом уровне. Зачастую эти термины вообще рассматриваются без какой-либо связи. Как показывает анализ литературы по теории гражданства, выполненный У. Кимлики и У. Норман [2], из нескольких доминирующих в рамках этой тематики сюжетных линий лишь одна связана с контекстом «гражданство – гражданское общество». Как ни странно, но теоретический консенсус на сегодняшний день по этому поводу заключается в том, что гражданство и гражданское общество являются различными понятиями: первое относится к правам и обязанностям, обеспеченным государственным суверенитетом и принуждением, а второе указывает на определенного рода ценности и взаимодействие социальных групп общества.

Весь новейший период развития России в социологической науке принято называть периодом трансформаций. Однако, как отмечают известные специалисты в области гражданского общества Л.И. Якобсон и И.В. Мерсиянова, среди многообразия научных сюжетов и тем, посвященных российской трансформации, проблематика трансформации российского гражданского общества несколько затерялась. И если исследованиями трансформаций в целом занимается огромное количество специалистов, то гражданское общество в России до сих пор не получило концептуального описания или аналитической оценки. И это казалось бы при том, что на государственном уровне достаточно большое внимание уделяется политике развития гражданского общества.

В данном контексте перспективным, с исследовательской точки зрения, выглядит проект CIVICUS, реализуемый группой исследователей из НИУ «Высшая школа экономики» [3]. В качестве операционального в проекте использовалось следующее определение гражданского общества – арена за пределами семьи, государства и рынка, которая создается индивидуальными и коллективными действиями, а также организациями и учреждениями для продвижения общих интересов. Таким образом, в операциональное определение закладывались как институциональный аспект, так и неформальные практики. Исследовательский проект был выстроен не просто под некую концептуализацию, но и под формирование эмпирически обоснованного многомерного индекса развития гражданского общества, учитывающего следующие основные измерения:

- 1) общественное участие – уровень вовлеченности населения в деятельность социальных и политических организаций;
- 2) организованность гражданского общества – уровень институционализации гражданского общества;
- 3) практикуемые ценности – уровень выраженности ценностных установок в обществе;
- 4) восприятие влияния – уровень социального и политического воздействия гражданского общества;
- 5) внешняя среда – состояние социально-экономических, политических и культурных условий, которые влияют на деятельность гражданского общества.

Согласно результатам, полученным в ходе проекта, среди всех измерений относительно высокие показатели зафиксированы по уровню организованности гражданского общества. При этом организации гражданского общества не оказывают значительного влияния на социально-политические изменения в стране по причине: а) «отсутствия налаженного взаимодействия с органами власти»; б) несовершенства законодательства в данной сфере.

Такой важный параметр индекса, как участие людей в деятельности организаций гражданского общества, характеризуется тем, что такое участие является не типичной поведенческой практикой граждан России. Иными словами, уровень формального гражданского участия в России крайне низок, что тесно связано с низким уровнем доверия к организациям гражданского общества. При этом в качестве рекомендаций по исправлению ситуации предлагается активизировать пропаганду гражданского участия, а также усовершенствовать освещение лучших практик деятельности организаций гражданского общества.

На наш взгляд, такие рекомендации являются весьма поверхностными, исходящими не из логики выращивания гражданского общества,

как некой социальной солидарности, общности, объединенной общими ценностями, а из логики построения гражданского общества «сверху».

Согласно другим выводам исследователей, гражданское общество в России не является каналом коммуникации, по которому ценности общества могли бы эффективно транслироваться властным элитам. При этом в обществе имеется запрос на активизацию роли организаций гражданского общества. Именно на влияние организаций гражданского общества как «аккумуляторов идей общества» и информационных посредников авторы проекта предлагают направлять основные усилия.

Отметим, что данный вывод коррелирует с доминирующей в настоящее время в России теоретической и политической позицией по поводу «национальной модели» гражданского общества. Фактически эта позиция была задана В.В. Путиным, когда он в 2004 г. объявил о необходимости создания Общественной палаты в России. Данная линия была развита Д.А. Медведевым, который заявил в 2008 г., что его новая политическая программа ориентирована на построение институциональной сферы гражданского общества, и предложил расширить опыт функционирования Общественной палаты России на регионы и муниципалитеты. Общий рецепт построения гражданского общества «сверху» при этом уже тогда включал такие пункты, как:

- а) принятие мер, способных обеспечить большую включенность граждан в политическую жизнь;
- б) развитие институтов гражданского общества с предоставлением им значительного числа социальных и политических функций;
- в) усиление роли государства в укреплении институциональной сферы гражданского общества [4].

Как видно, на государственном уровне доминирует подход, согласно которому гражданское общество представляет фактически набор неких институтов-инструментов, дополняющих государственные компетенции в общественной жизни, встроенных в единый правовой порядок, и возможно даже, в политическую идеологию. В целом данную парадигму гражданского общества можно назвать институционально-функциональной. И ученые, и политики приходят к консенсусу по поводу данной парадигмы на том основании, что за таким гражданским обществом удобно и наблюдать (исследовать, верифицировать) и управлять им.

Однако во многих отношениях понятие гражданского общества становится неуловимым в современном мире, а эксплицируется оно в основном по своему отсутствию и неполноте в конкретном социуме, улетающая «под слишком пристальным взглядом» [5]. Начнем с того, что выражающее основную западную теоретическую тенденцию в отношении гражданского общества определение его как автономной (независимой от государства) сферы социальной жизни, образованной добровольными, по-

строенными на принципах свободы и солидарности ассоциациями, уже давно противоречит действительности, поскольку и на Западе последние 20–25 лет имеет место массивная законодательная, финансовая и политическая поддержка структур гражданского общества [6].

Второе важное противоречие, как отмечает известный российский теоретик Б.Г. Капустин, заключается в том, что если следовать парадигматической отечественной традиции и причислять к гражданскому обществу в значительной степени высокоорганизованные структуры (от профсоюзов и официальных конфессий до политических партий и союзов промышленников и предпринимателей), то выхолащиваются такие атрибутивные признаки гражданского общества, как социальная солидарность, свобода и автономия. Как подчеркивает ученый, теоретики гражданского общества, мыслящие строго, решительно исключают из состава гражданского общества любые политические и экономические организации. Пытаясь сохранить за гражданским обществом как концепцией, указанные атрибуты, Ю. Хабермас, например, вообще сводит его к некому полю солидарности и свободы, так называемой «публичной сфере», пространству формирования общественного мнения, находящемуся на доорганизационном уровне.

Если вернуться к идее подлинного гражданства, высказанной Аристотелем, то следует отметить, каким кардинальным изменениям она подверглась в современную эпоху: замена прямой демократии представительной, господство наемного труда свело на нет «естественную» гражданственность членов политической общности. Гражданское общество в этих условиях может рассматриваться как набор практик и соответствующий им участок социального пространства, реанимирующих «естественную» гражданственность, объединяющих частных лиц в деле, направленном на общее благо. Иными словами, гражданское общество – это общность, формирующаяся через деятельное участие: а) в определении общего блага, б) борьбе за его осуществление и в) в его защите. Это сфера, где происходит «сублимация приватно-буржуазного в публично-гражданское» [7]. При этом Капустин подчеркивает инперманентность такого рода солидарности: гражданское общество представляет собой не структурный постоянный компонент современного общества, а является периодической характеристикой способа его самопреобразования. Гражданское общество возникает для решения проблем современного общества, для изменения устаревших институтов, процедур и норм на определенной стадии их развития.

Такому определению соответствуют два важных признака. Во-первых, гражданское общество может существовать в самых разных организационных формах в зависимости от конкретных обстоятельств, а сведение гражданского общества к сети неправительственных и неком-

мерческих организаций есть лишь «либеральное выражение глобального упадка гражданского общества». Во-вторых, общее благо, во имя которого конституируется и действует гражданское общество, как правило, не является самоочевидным, универсальным. Как нравственно-политический проект это благо всегда сталкивается с альтернативными проектами и утверждает себя в качестве общего блага в результате их вытеснения.

На наш взгляд, данная концепция гражданского общества – как формы автономной, равноправной и коллективной солидарности и деятельности – имеет ряд преимуществ перед институционально-функциональной концепцией. Последняя сегодня фактически стала выражением процесса колонизации, по Ю. Хабермасу, а организации, входящие в ее дискурс, – это скорее корпоративистские структуры «концертирования интересов», нежели источники естественной социальной солидарности. Доминирующую роль в структурировании гражданского общества как общности, как солидаризированной деятельности должны играть именно ценности – скорее всего, в парсонсовском понимании – как некие коллективно одобряемые, желаемые цели развития. Однако в реальности подобная ситуация имеет место лишь тогда, когда инфраструктура взаимодействия по поводу целей более или менее налажена, когда внутри сообщества сложился некий моральный консенсус.

Необходимо отметить, что первичным источником естественной солидарности выступает не нормативное структурирование социального пространства – когда государство закрепляет за институтами гражданского общества те или иные функции и компетенции, а эксперты рекомендуют развивать гражданское общество так-то и так-то, – а ценностно-потребностное. В противовес институционально-функциональной концепции гражданского общества и гражданской активности, об этом говорит подход, выдвигающий на первый план формы автономной, равноправной и коллективной солидарности и деятельности. Гражданское общество в этом случае рассматривается как особая моральная, социетальная общность, а гражданская активность – как солидаризирующая деятельность.

Согласно классической социологической трактовке (Т. Парсонс), ведущую роль в подобного рода социальной интеграции играют ценности или коллективно одобряемые, разделяемые желаемые цели развития. Однако в реальности подобная ситуация имеет место лишь тогда, когда инфраструктура взаимодействия по поводу целей более или менее налажена, когда внутри сообщества сложился некий моральный консенсус. Специфика ситуации заключается в том, что применительно к российскому обществу следует говорить скорее о ценностном вакууме.

В российских условиях, на наш взгляд, правильнее говорить именно о потребностях общества как источниках гражданской активности. По-

нятно, что все многообразие социальных потребностей слишком велико для того, чтобы претендовать на роль стартеров гражданской активности, тем более, что значительная часть потребностей общества худо-бедно удовлетворяется и государством, и в пределах иных сфер общественной жизни. То есть стартерами гражданской активности должны выступать потребности и определенные социальные контексты, которые формируют некую общую волю, общее представление о разумном и естественном, неотъемлемом и легитимном.

Обозначенный подход относится к конструктивистскому направлению социологической мысли. Социальные проблемы в рамках данной теоретической позиции – это не объективно существующие дисфункциональные условия и ситуации, а некоторого рода конструкции, создающиеся группами людей, институтами и организациями. Любые социальные проблемы не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются результатами коллективного определения. Социальное определение придает проблеме характер, обуславливает как подход к ней, так и то, что предпринимается в отношении данной проблемы.

Именно в этом контексте как весомый элемент российского варианта гражданского общества нами рассматриваются практики самоорганизации граждан. Само гражданское общество при этом интерпретируется прежде всего как способность людей к самоорганизации в соответствии с разнообразными осознанными общественными интересами ради консолидированного выражения и защиты этих интересов. Термин «способность» призван обозначить следующие составляющие:

- а) наличие причины и повода для проявления активности (причинно-целевой, ситуационный потенциал гражданской активности);
- б) наличие в сообществе информации о возможности достижения желаемых результатов (компетентностный или инструментальный потенциал гражданской активности);
- в) наличие позитивных примеров, прецедентов гражданской активности (мотивационный потенциал);
- г) возможность создавать, заимствовать или воспроизводить социальный навык активности, консолидации, коллективно-представительно выразить общественный интерес (интеграционный потенциал);
- д) возможность формализации или институционализации собственного опыта самоорганизации (организационный потенциал).

Анализ естественных типологий стартеров гражданской активности показывает, что реальная структура стартера является достаточно сложной, поскольку не только и не столько касается непосредственных поводов для проявления гражданской активности, сколько связана с системой, комплексом факторов проявления активного социального дейст-

вия. В этом смысле концепция социального действия как ценностно-нагруженного действия и социального субъекта как ценностно-мотивированного субъекта (концепция, которая восходит еще к М. Веберу), оказывается хорошим концептуальным инструментом, ориентирующим исследователя в плане решения задачи по изучению гражданской активности и самоорганизации.

Указанные выше аспекты самоорганизации были выявлены преимущественно на основе анализа эмпирических данных (посредством обработки фокусированных интервью, материалов печати, сети Интернет и др.) и фактически репрезентируют различные стадии-формы реализации практик самоорганизации.

Первая стадия связана с реализацией причинно-целевого или ситуационного потенциала гражданской активности. Примером может служить проблемная ситуация в области ТСЖ:

- осознание необходимости сопротивления аппетитам монополистов при управлении ТСЖ;
- желание устранения необязательных посредников при управлении ТСЖ;
- решение личной жизненной проблемы, типичной для членов определенной группы (например, обманутые дольщики, ущемление интересов жителей района, территории, социально незащищенной группы и т.д.).

Основной характерной чертой первой стадии является наличие самого факта осознания некой социальной проблемы, проблемного контекста. Процесс и результат осознания является очень важной фазой, поскольку проблемность условий жизнедеятельности является не объективной характеристикой, а преимущественно субъективной.

Вторая стадия развития гражданской активности во многом определяет успех всей практики самоорганизации, и связана она с реализацией компетентностного и/или инструментального потенциала социальной активности:

- понимание экономических аспектов проблемы;
- понимание юридических аспектов проблемы;
- понимание технических сторон проблемной ситуации;
- способность взять ответственность, лидерство на себя;
- наличие организационных ресурсов (помещение, время, организационная площадка и т.п.).

Вторая фаза связана не только с наличием проблемы как таковой, но и с осознанием возможностей и путей ее преодоления.

Третья фаза развития самоорганизации отличается от предыдущих двух тем, что на ее этапе важную роль начинает играть информация о сторонних примерах гражданской активности, прецедентах, примерах ус-

пешной борьбы с проблемными социальными контекстами – непосредственно граждан, их коллективов, некоммерческих организаций и т.д.:

- представления о «правильном» разрешении данной ситуации, борьба за «свои права»;
- информация из СМИ о похожих ситуациях;
- прямой аналог проблемной ситуации, которая имела место с другими людьми, организацией, коллективом.

Таким образом, на данном уровне отдельная практика самоорганизации встраивается в более широкий контекст институциональной среды гражданского общества – на уровне обмена информацией, компетентностью, ценностями, прецедентами, а значит, обретает легитимационный потенциал. Именно здесь проявляется слабость институциональной среды гражданского общества в России: при относительно высокой степени организованности гражданского общества в стране (если понимать его как совокупность НПО), степень участия людей в деятельности НПО весьма низка, а само участие в такой деятельности – скорее не типичная поведенческая практика для россиян.

Следующая фаза связана с реализацией интеграционного потенциала гражданской активности. Успешное прохождение данной стадии предопределяет саму возможность коллективного действия: проблема должна быть актуализирована как значимая для некоей группы людей, коллектива, затем выражена через эту коллективность (проведение собраний, сбор подписей, митинги, послания, непосредственно коллективные действия по исправлению ситуации и др.). Специфика данной стадии заключается в том, что быстрое и успешное разрешение проблемной ситуации не обязательно может завершиться экспансией позитивного гражданского опыта во внешнюю социальную среду. В целом более типичным сценарием является вариант, при котором люди, добившись решения своих личных проблем, не озадачиваются распространением своего опыта.

Последняя стадия развития практик самоорганизации связана как раз с возможностью трансляции позитивного опыта самоорганизации. Наиболее эффективными путями для этого являются институционализация и формализация. Данные процессы отличаются тем, что позитивный опыт самоорганизации может быть институционализирован не обязательно через посредство приобретения формально-организационного статуса (НКО, фонд, ассоциация и т.д.). Если группа людей, успешно решившая данную социальную проблему, почувствует, что их компетентностный и мотивационный потенциал достаточен, она может транслировать свой опыт по неформальным каналам, через социальные сети и связи, через специализированные информационные ресурсы в Интернете и т.д.

Формализация успешного опыта решения той или иной социальной проблемы означает придание ему более или менее публичного статуса

с открытым доступом, что может выражаться прежде всего в создании специализированной НКО, а также в распространении своих знаний через СМИ.

На наш взгляд, возможность перехода практики самоорганизации из одной фазы в другую – возможность ее развития в акт полноценной гражданской активности – во много связана с исходным набором стартеров гражданской активности. Более широкий диапазон стартеров, их качественное разнообразие, универсальность ценностных посылов активистов, как показывает анализ, коррелируют с «готовностью идти до конца», с моральным духом активистов, их личным ощущением потенциала борьбы, собственных социальных ресурсов, социального капитала и, в конечном счете, успешностью конкретного опыта самоорганизации.

Примечания:

1. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество / под науч. ред. А. Смирнова. М., 2011. С. 53. Подробнее см.: Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // *Sociology*. 1990. Vol. 24. N 2. P. 203.

2. *Kymlicka W., Norman W.* Return of the Citizen: A Survey of Recent Work on Citizenship Theory // *Theorizing Citizenship* / R. Beiner (ed.). New York.: State University of New York Press, 1995. P. 283–322.

3. CIVICUS (the Civil Society Index) – индекс гражданского общества, проводящееся по сопоставимой методологии в 40 странах мира прикладное исследование, призванное оценить текущее состояние гражданского общества. В России проект реализовывался в рамках Мониторинга состояния гражданского общества, проводимого Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики». См.: *Гражданское общество в модернизирующейся России [Электронный ресурс]: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества CIVICUS» / Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина и др. [Элект. текст. дан. (2,6 Мб)]. М.: НИУ ВШЭ, 2011.*

4. *Будов А.* Институциональная сфера гражданского общества // *Власть*. 2009. № 7. С. 25.

5. *Капустин Б.Г.* Что такое «гражданское общество»? // *Критика политической философии: Избранные эссе*. М., 2010. С. 28.

6. Там же. С. 29.

7. Там же. С. 36.